Артём Бочаров
НАСТОЯЩЕЕ
ПРОШЛОЕ
Пиво-воды
ПИВА НЕТ
ПРИВАЛ
Первое свидание

Артем Бочаров

Первое свидание (сборник)

Серия «Настоящее прошлое»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12090300
Настоящее прошлое. Первое свидание: Грифон; М.; 2010
ISBN 978-5-98862-064-8

Аннотация

Что такое *настоящее* прошлое? У каждого из читателей есть свой ответ на этот непростой вопрос. Это может быть рассказ о прошлом без вранья – так, как было на самом деле. Или же прошлое, которое состоялось – и которое не стыдно вспомнить. Или – просто жизнь – такая, какая она есть, со всеми её радостями и горестями. Глубока народная мудрость: жизнь прожить – не поле перейти!

Это верно и для тех, кто «сделан в СССР», и для тех, кто увидел свет в новой России. Однако воспоминания о советском прошлом замечательны по-своему. Это та эпоха, которая завершилась на наших глазах, это наша жизнь – но она уже становится легендой… Можно вспоминать только плохое, можно – только хорошее. У каждого – свой выбор. Выбор Артёма Бочарова – хорошая, крепкая, по-настоящему мужская проза человека, многое повидавшего – и при этом не потерявшего оптимизма и чувства юмора. Что и говорить – магаданская закалка!

Для самого широкого круга читателей.

Содержание

Про бабу 5
На краю земли 8
Симулянт 13
Новогодние пляски 16
В лагерях 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Артём Бочаров
Настоящее прошлое. Первое свидание

© Грифон, 2010
© Бочаров А., автор, 2010
© Е. Абросимова, Б. Дзгоев, оформление, 2010

* * *

Тем, кто родился в СССР, маршировал на праздниках песни и строя, «балдел» от «Битлз» и «Дип Пёрпл», «кадрил» на «скачках» под итальянцев и «Машину»… Тем, кто в 90-е остался человеком.

Про бабу

Солнечным утром 3 июля 1969 года я приехал в Новосибирск к бабушке. Сколько мне предстояло у неё гостить, никто не знал. Мама осталась в украинском городке Каланчак – завершать бракоразводный процесс, определяться со своим, а значит, и с моим будущим. Пока же суд да дело, я потихоньку осваивался на земле сибирской, которая, надо сказать, встретила меня не очень-то и гостеприимно.

Ребятишки во дворе дома номер 3 по улице Челюскинцев буквально лопались от смеха, когда я начинал с ними говорить. Так был смешон для них мой суржик – язык, на котором говорят многие в Малороссии. Я вежливо здоровался со всеми, деловито представлялся – пацанов сгибало пополам. Держась за животы и хохоча, они продлевали себе неожиданный ништяк:

– Хохол, хохол!.. Скажи, а как там по-вашему…

Стараясь говорить правильно, я чеканил слова чуть ли не по слогам. От этого всеобщее счастье вокруг становилось безбрежным.

В слезах я прибегал домой и, уткнувшись лицом в бабушкин халат, вопрошал у неё горько:

– Бабуля, ну почему меня хлопцы хохлом дразнят?!

Бабушка гладила мою белобрысую голову, успокаивала и объясняла, что и как мне надо делать. Рецепт был прост – сейчас пока нужно меньше говорить, а больше слушать, как говорят вокруг, и запоминать это.

Через две-три недели жизнь наладилась. Я уже довольно прилично изъяснялся на русском, и ребятня во дворе стала забывать, что я – вроде бы хохол. Быстро выветривался из моей короткой тогда памяти и суржик – новая среда, другой язык.

Пролетело несколько беззаботных месяцев.

А потом наступил Новый, 1970-й год и был новогодний утренник для детей новосибирских партийных боссов, куда я попал благодаря протекции родного дядьки, крутившего тогда баранку обкомовского «членовоза».

К Деду Морозу, который – то ли от усталости, то ли от чего другого – откровенно дремал под ёлочкой, выходила карнавальная детвора. Снежинки, зайчики, лисички и медвежата читали стихи, пели песни, танцевали. Затем радостные детки бежали к родителям, прижимая к себе игрушку, выловленную Снегурочкой в мешке у Деда.

Мне тоже хотелось игрушку. Я тоже знал стихи и песен немало мог спеть. А ещё в детском саду мы танцевали летку-еньку, аппликации делали разные и из пластилина лепили много чего. Там, в украинском Каланчаке…

Я смело вышел к ёлке. На немолодом лице внучки Деда Мороза, пытаясь воспроизвести улыбку, потянулись неровно накрашенные губы:

– А ты что расскажешь нам, мальчик?

– Стих, – бойко ответил мальчик.

– Про кого стих? – старалась Снегурочка за двоих.

– Про бабу, – удовлетворил я любопытство.

По рядам партийных родителей прошелестел еле уловимый бриз: «Товарищи! Чей ребёнок?!». Сигнал «Внимание! Тревога!» незримо повис над верхушкой сибирской красавицы-ели. Почувствовав состояние родителей, смолкли и вышколенные обкомовские дети.

– Про кого?! – проснулся и закашлял Дед Мороз.

– Про бабу, – спокойно поведал я хозяину зимы.

По наступившей тишине, смущённым переглядываниям Деда, внучки и других взрослых, я понял – что-то тут не так, и даже предположил – наверное, сольные выступления закончились. Сейчас все дружно пустятся в хоровод.

Подарок уплывал из рук.

Я демонстративно набрал в лёгкие воздух. Дед Мороз тихо поинтересовался:

– А это новогодний стих-то?

Утвердительно кивнув, на выдохе я озвучил название произведения. Громко, как учили:

– «Про бабу»!

Аудитория молча смотрела на меня. Такое внимание, конечно, льстило и ещё больше воодушевляло перед исполнением.

Вновь наполнив лёгкие, на едином дыхании я лаконично выдал:

Стоит баба снегова —
Здоровенна голова!
Поглядает баба скосу:
Кто украл у нэи носу?!

Стишок этот незатейливый я выучил к прошлогоднему новогоднему утреннику в детском саду в Каланчаке. Мама нашла его в книжке-раскраске. На одной страничке там стоял грустный снеговик без носа, а в углу другой – оглядываясь на пострадавшего, трусливо бежал заяц с морковкою в зубах.

После моего выступления под ёлкой повисла непродолжительная пауза, которую прервал высокопоставленный мужской голос:

– Во даёт, хохлёнок!..

И все сразу засмеялись, вдруг стало весело вокруг, зааплодировали все. Дед Мороз тоже смеялся, больно тыкал меня одной варежкой в живот, неприятно трепал по голове другой, и почти кричал, стараясь донести сквозь оживлённый гул:

– Молодец! Ай, молодец!..

У меня же настроение было испорчено – опять хохлом обозвали! Хохлёнком… Ну какой я им хохол?!

Дед Мороз засунул руку в мешок и вытащил мне в подарок игрушку – маленькую пластмассовую гитару. Было на ней всего четыре струны, которые имитировали натянутые на миниатюрные колки резинки-венгерки.

Словно знал Дед, что когда-нибудь возьму я в руки бас-гитару, и долгие годы буду зарабатывать этим инструментом себе на жизнь.

На краю земли

Обычная реакция людей, узнавших, что я родился в Магадане:
– Ух, ты! Это же на краю земли!..
Ни фи-га, дамы и господа, до самого края ещё далеко!

В начале августа 1980 года археологическая экспедиция, в состав которой я входил, вылетела на «Ту-154» из Магадана в Анадырь. Потом тряслись до посёлка Лаврентия в стареньком «Ил-14», где мы сидели на простых деревянных лавках, расположенных вдоль бортов самолёта. Этот незамысловатый интерьер мне был хорошо знаком по фильмам про наших разведчиков, которых забрасывают в тыл врага, или картинам про их шпионов, которые десантируются на нашу территорию.

Незадолго до посадки в Лаврентия пилот-ас раскрасил наш будничный полёт яркими впечатлениями. Он так лихо закладывал машину на бок, что один ряд пассажиров чуть ли не вертикально зависал над другим, сидящим напротив. Кто-то, не удержавшись за скамейку, летел вниз и прилипал к иллюминатору, где прямо под ним, казалось, совсем рядом, раскинулась разноцветная тундра. Самолёт ненадолго принимал своё обычное положение и потом резко ложился на другое крыло. Вдавленные спинами в фюзеляж, мы тоскливо смотрели в противоположные иллюминаторы на бескрайнее вечное небо. С той стороны, не удержавшись на верхней скамье, прямо на меня скатилась симпатичная юная барышня в расстёгнутой жёлтой куртке. Я стал помогать ей принять более удобное положение, мы возились, невольно прижимались друг к другу, и что-то доселе непознанное, привлекательно упругое, удобно легло мне в ладошку. Но тогда всё это пронеслось мимо моего юношеского сознания, потому как оно – это самое сознание, было занято одной грустной мыслью: «На хрена я сюда полетел?!».

Рядом со мной невозмутимо, словно индейский вождь на троне, восседал на лавке Сергей Михайлович Тэн. Это – наш руководитель. Эскимос по национальности, археолог, учёный с какой-то там даже степенью. Может, степень и придавала ему такую уверенность в кувыркающемся самолёте? Шутка, конечно. Просто бывал Сергей Михайлович в этих краях много раз, оттого и хорошо знал повадки местных воздушных лихачей.

После благополучного приземления мы с Игорем Чернявским, ещё зелёные, но уже счастливые, закинув за плечи рюкзаки, направились в посёлок. На выходе с лётного поля нас встречал небольшой транспарант на чукотском:

Еттык, тумгытури!

– И вам не хворать! – озвучил наш ответ на приветствие аборигенов «полиглот» Чернявский.

С Игорем мы учились в одном училище, и даже специальность у нас была одна – тромбон. Правда, Чернявский был старше меня на год и тем летом уже перешёл на третий курс.

Несмотря на небольшой жизненный опыт, ему казалось, он знает почти всё на свете, в том числе и языки всех народов мира. Так что, если не знаете вы, к примеру, чего-то – не проблема: спросите у Чернявского, он всё расскажет. Есть трудности с переводом? Тоже не беда – Игорь переведёт хоть с языка древних майя. Вроде бы всё здорово, но при этом всегда нужно было помнить о главном – насколько достоверна полученная информация. Нередко она вызывала большие сомнения, порой – откровенно веселила.

Как все студенты, в свободное от учёбы время коллега где-то подрабатывал. Вот на каникулах и подвернулся случай с экспедицией. Вернее, подвернулся этот случай нам с Поповым, но Олег неожиданно «сел» на месяц в кабак, и в стареньком «Иле» над Лаврентия зеленел от страха со мной не он, а Чернявский.

Тэн, Игорь и я, собственно, и есть вся археологическая экспедиция.

А что не так?

Десять дней мы прожили в гостинице.

Тэн куда-то бегал, суетился, с кем-то договаривался. Но на остров Ратманова – нам было нужно именно туда – как назло, никто не плыл, никто не летел.

В ту пору телевидения в Лаврентия не было. По вечерам мы с Игорем ходили в кино на всякие старые, заезженные на тундровых передвижках, фильмы. Нередко плёнка рвалась, в зале зажигался свет, и мы в который раз перечитывали на красном полотне над экраном приветствие чукотских товарищей очередному форуму родной партии:

XXVI съезду КПСС – мынынрынгиивын тэгмигчерэ!

Днём, коротая время в гостиничном номере, мы до одурения резались в морской бой. Когда Чернявский догонял меня в общем зачёте, я начинал мухлевать, собирая все корабли в одну кучу, а для единственного «однотрубника» оставлял всю оставшуюся акваторию. Причём корабль этот я не рисовал до последнего выстрела моего противника. Игорь каждый раз удивлялся этому обстоятельству, но радость победы отвлекала его от следствия и неминуемого разоблачения подтасовки.

При счёте 65:55 в мою пользу мы здраво рассудили – с игрой пора заканчивать! Нам уже снились разные комбинации рекогносцировки эскадры, мучительные поиски кораблей противника, лавирование под их огнём.

Более того, как-то за обедом, взглянув на Чернявского, сидящего напротив, я вдруг обнаружил, что и его лицо уже расчерчено на клетки, а в одной из них – на Е-2 – спрятался последний кораблик вражеской эскадры. А чтобы его потопить, можно просто ткнуть туда вилкой, то есть прямо в глаз своему товарищу. И всё, нет больше кораблика на Е-2!

Слава Богу, хватило ума вовремя завязать с морскими баталиями. От греха подальше!

В нашем гостиничном номере постоянно стоял дым коромыслом от «Беломора» «с ушами» – логотипом фабрики Урицкого на обороте пачки, которым мы богато отоварились в местном сельпо. Для разнообразия взяли там и махорки. Только затянули её в две толстые самокрутки, как по коридору тревожно забегали горничные: «Товарищи! У кого-то где-то что-то горит!..».

По радио между сообщениями о заседаниях Политбюро и трудовыми рапортами с полей целыми днями крутили «Малиновку» и «Танец на барабане». Крутили бесконечно, упрямо выводя их в высший круг шлягеров. Каждое утро мы делали ставки на одну из песен, но предсказать победителя было невозможно. Если «Малиновка» брала верх – 9:7, то на следующий день уверенно отыгрывался «Барабан» – 10:6.

Эфир выдавал на-гора решения партии и правительства, репортажи о передовиках производства, пел оды советским спортсменам – победителям московской Олимпиады, гремел «барабанами»…

И ни слова о Высоцком, с которым только что простилась страна, ни одной его песни.

На остров Ратманова мы приплыли на военном корабле и расположились на постой в небольшом складском помещении, где было тепло и сухо. На следующее утро мы с Черняв-

ским уже вовсю махали лопатами на благо советской археологии, а значит, и всей мировой науки.

За пару недель нашей работы из-под земли появилось древнее стойбище эскимосов. В приложение нарыли массу всякой мелочёвки – иглы из кости моржа, наконечники стрел, осколки керамической посуды. Тэн был доволен – экспедиция удалась. Он зарисовывал план стойбища – аккуратно выложенные камни вокруг некогда стоящих здесь яранг, внутри каждой – добротно сложенный очаг. Учёный много, под разными ракурсами, фотографировал эти камушки, а заодно с ними щёлкал на камеру и своих помощников, молодых археологов.

На острове, кроме нас троих, гражданских лиц больше не было. Пограничная застава жила своей военной жизнью, мы – своей научно-исследовательской. Чтобы как-то скоротать длинные вечера, ходили в гости к воинам, где в казарме посмотрели два раза фильм «В моей смерти прошу винить Клаву К.», который здесь крутили уже две недели. Иногда перед отбоем мы с Чернявским заглядывали «на огонёк» в каптёрку и, аккомпанируя себе на гитаре, радовали служивых песнями из «мира бизнеса и секса». А после «Битлз», «Хип» и «Гранд Фанка», «на ура» шли наши «Звёздочка моя», «Там, где клён шумит»… Пограничники были рады нашим визитам – какое-никакое, а всё же разнообразие в серых солдатских буднях.

А ещё в свободное от работы время мы охотились. Бегали по скалам с рогатками и полными карманами камней, собранными ещё в Лаврентия. Стреляли по птицам, коих в том краю великое множество. Сначала мы выбрали увесистую белую птаху с крупным клювом. Мишень уж больно заманчивая – не промахнёшься! Палили по этим птичкам почём зря, кучу камней на них извели. Выстрелы ложились точно в цель, а бакланам этим – хоть бы хны!

– Отчего так?! – спросили мы у нашего мудрого руководителя.

Рассмеялся Тэн, зубки свои мелкие показал.

– Это, – говорит, – топорики. Их дробь не всегда берёт, а вы – из рогатки!

И опять зашёлся в смехе, весельчак.

Обиделись мы с Чернявским на жизнерадостного Тэна, и на топориков этих непробиваемых тоже обиделись. Хмуро набили камнями карманы и снова пошли на дело.

Над островом стоял туман, и понятно, что птицы не летали. Но какое до этого дело двум охотникам с уязвлённым самолюбием? Да никакого! Без добычи не вернёмся, и всё тут, точка!

Но прежде мы спустились от заставы на берег. Посидели молча, покурили, на воду глядя – успокаивает. Тишина. Даже море притихло, еле-еле подкатывая своими хиленькими волнами к нашим ногам.

Всё, конец медитации!..

Мастерскими щелчками отправив окурки в сторону американского острова Крузенштерна, мы быстро встали и решительно двинули на дело.

Тропинка вела между скал, и угол подъёма там был серьёзным – градусов семьдесят. Для удобства пограничники сверху протянули верёвку, с помощью которой подниматься было значительно легче. Я шёл первым, а в нескольких метрах внизу замыкал группу Чернявский. Ситуация подсказала ему новую тему для рассуждений. В соответствии с окружающей нас действительностью, парень горячо повествовал об увлекательнейшем виде спорта – альпинизме. Да это и не спорт вовсе, доказывал сам себе Игорь, а скорее, образ жизни, если вообще не сама жизнь. На этом философский спич моего «второго номера» неожиданно оборвался. Но вовсе не из-за того, что он рассказал всё, что знал. Я, делая очередной шаг, наступил на крупный камень, и когда от него оттолкнулся, двигаясь дальше, тот вдруг выпрыгнул из своего векового ложа, как живой, и полетел вниз. Заинтересовавшись шумом сверху, Чернявский поднял голову, и камень, летящий точно в шевелюру «под битла», с силой ударил товарища в его субтильную грудь. Как он удержался за верёвку, не выпустил её из рук

– просто удивительно! Коротко выдохнув сдавленное «Гэть!», Игорь взял влево и проворно скрылся под выступом скалы, будто ожидал продолжения камнепада.

Обжигая руки о верёвку, я через мгновение оказался на уровне незадачливого коллеги. Его худенькое тельце влипло в каменную нишу, личико по-старушечьи сморщилось. Да, понятно, что больно, даже очень, но главное – живой!

Прилетевший ветерок с Аляски погнал туман на Чукотку, а над островом собрал кучу хмурых туч.

В скверном настроении, мы сидели в засаде за валуном и ждали.

Правильно говорят: главное – верить!

Неподалёку от нас на камень присела серая птаха, размером с голубя. Сидит, глупая, головёнкой по сторонам вертит. Две рогатки выстрелили одновременно. Птичка попробовала взлететь, но не получилось. Она забила крыльями, скатилась по камню в расщелину, где и схватил добычу сияющий Игорь.

Рано радоваться, друг мой Чернявский!

– Её надо добить, – надул щёки всёзнающий товарищ.

– Как это? – опешил я.

– Ну-у… – растерялся было знайка, но тут же нашёлся: – Из рогатки! Ты будешь её держать, а я добью.

Мне совсем не хотелось брать птицу в руки.

– Почему я должен её держать?!

– Ну ладно, – неожиданно быстро согласился Чернявский, – давай я.

Перспектива стать палачом мне тоже не улыбалась.

– Это что же, получается, тогда мне надо стрелять? – загрустил я.

– Ну да. Я ведь не могу её и держать, и стрелять тут же, – вполне резонно парировал приятель.

«А зря! Мог бы попробовать!» – раздражённо подумал я.

Чернявский разложил жертву на камне, растянув её крылья в разные стороны.

– Давай! – хорохорился опытный зверобой.

Я потянул резину с камнем, раненая птица закрыла глаза.

– Слушай! – я опустил рогатку. – Давай её отпустим, на фига она нам? У нас консервов полный ящик!

– Не, – покрутил башкой орнитолог-практикант, – она всё равно уже не жилец. И добавил:

– Стреляй.

Резина натянулась и вновь ослабла.

– А куда? – хрипло поинтересовался я.

– Что – куда? – не понял Игорь.

– Куда ей стрелять? – в горле было так сухо, будто я зачем-то поел песка.

– В голову! – определил цель юный физиолог.

Фу-ты, ну-ты!.. Прямо сама уверенность! Можно подумать, он каждый день убивает по птице.

– Или в сердце?.. – я тянул время.

– Не-е, – пробовал улыбаться киллер. Получалось кисло. – В голову!

В очередной раз я натянул резинку на рогатке. Птичка внимательно посмотрела на меня. Я отвернулся, зажмурил глаза и повёл оружием чуть в сторону.

Вопль во множество «форте» взлетел над островом и умчался дальше в небо. Высоко над нами сверкнула молния, вслед которой стал распеваться низким баритоном гром.

Многострадальный Игорёк быстро приседал, пряча левую руку где-то между ног, потом резко выпрямлялся, энергично тряс травмированной конечностью, будто стряхивал воду, дул на пальцы, матерился и снова приседал, зажимая руку ногами.

Эта сцена добила меня окончательно.

Длинно и грязно выругавшись, я от души зашвырнул рогатку в сторону мыса Принца Уэльского, вывернул из карманов оставшиеся камни и, чуть не плача, зашагал прочь от дикого сафари.

Суп из птички я есть не стал, и чтобы не видеть довольные лица Тэна и Чернявского, нахваливающих варево, вышел покурить на свежий воздух.

Тучи рассеялись. Далеко на западе солнце уходило на покой, чётко вычерчивая мыс Дежнёва. Я стоял в нескольких десятках километров от него на самом краю Земли и курил «Беломор» «сушами».

Симулянт

Идти в школу не хотелось.

Желание, конечно, не новое, но сегодня не хотелось категорически! На улице темно, холодно, ещё и метель разгулялась. Ты – за дверь подъезда, а тут – она: «Здрасьте!..». Первым делом, ошпарив лицо, глаза прищурит, а потом под пальтишко настырно лезет, пробирая до самых косточек. Бр-р-р!.. Нет уж, в постели куда лучше!

Только как это маме объяснить? Так, чтобы поняла и пошла навстречу: «Сиди, сынок, дома! Бог с ней, со школой!». И по голове бы погладила ласково.

Веским может быть только один аргумент – болезнь!

Ртуть в градуснике замерла на отметке 36 и 5, правдиво отражая состояние здоровья цветущего бутуза. И, признаться, это состояние меня вполне устраивало, а вот температура на градуснике – нет. Энергично потерев стеклянную палочку с разметкой о подушку, посмотрел – где там ртуть? Ага, 36 и 9. Пошло дело! Я повторил нехитрую операцию, потратив на неё чуть больше времени, и разогнал измеритель до сорока градусов. Ого, многовато будет! Но это не беда, градусник можно встряхнуть несколько раз и установить на нём ту температуру, которая нужна.

В комнату вошла мама. Я разметался в постели и разве что только не стонал. По моему несчастному виду даже далёкий от медицины человек мог определённо ставить диагноз: мальчик серьёзно болен.

А в это время под одеялом «больного» вовсю кипела работа – судорожно сбрасывались опрометчиво набранные градусы. Не имея возможности просто встряхнуть градусник, я щёлкал пальцем по нему, стараясь заставить ртуть опуститься на отметку, соответствующую тому же ОРЗ.

Странные звуки под одеялом заинтересовали маму. «Захворавшего» тут же разоблачили, уличив в подтасовке нужного ему показателя температуры. Одеваясь, я узнал новое и очень несимпатичное слово «симулянт», которое было созвучно другому нехорошему слову «спекулянт», значение которого знали все советские люди, даже пионеры. Сгорая от стыда, я накинул пальто и в совершенно гадком настроении выскочил на улицу.

А там – метель: «Здрасьте!..». И далее – в лицо, в глаза, до самых косточек…

В общем, ничего хорошего!

Люди учатся на ошибках.

Умные – на чужих ошибках, все остальные – на своих собственных.

Когда мне опять сильно не хотелось отправляться по колючей метели в поход за знаниями, вдруг включился мозг и быстро нарисовал в голове план действий.

Утром вместо школы я пришёл в детскую поликлинику, встал в очередь и сам себе вызвал врача. Не теряя времени даром, в очереди начал входить в образ больного человека. Брови домиком поползли вверх, губы скорбно поджались, взор погрустнел.

– Мальчик, а ты не себе вызываешь врача? – из окошка регистратуры на меня пристально смотрела строгая тётя в очках.

– Нет! – в начале дня врать так же тяжело, как и вообще что-либо делать по утрам.

– А кому? – не унималась дама в белом халате.

– Соседу… По коммуналке, – второй раз солгать получилось проще, несмотря на утро.

Через пару часов ко мне, вдавленному тяжёлой болезнью в кровать, пришла Ватлина – наша участковая докторша. Измерила температуру, помяла живот и задумчиво посмотрела в мои честные глаза.

– Так что же тебя беспокоит? – Ватлина пыталась выяснить симптомы неизвестной болезни.

– Да вот, как-то плохо мне… – промямлил я, с деланным усилием поднял руку и вяло покрутил кистью.

– Общее недомогание? – честно делала свою работу врач.

– Ага, недомогание, – диагноз пришёлся мне явно по душе.

Женщина вздохнула, выписала рецепт и назначила время приёма через три дня.

Вот она – свобода! Теперь можно спать, сколько хочешь, не тратить время на домашние задания, а значит – читай себе книжки, да телик смотри!

Балдёж!..

Ватлина, так и не определив, что за недуг свалил такого крепкого с виду мальчика, отправила меня сдавать кровь на анализ. Конечно, делать это совсем не хотелось, но ведь надо было довести дело до конца. Может, когда-нибудь понадобится ещё небольшой отпуск. Коль нужна кровь – нате, берите. Не жалко, у меня её много.

Хорошо отдохнувший, бодрый и румяный, я зашёл в кабинет.

– О, какой богатырь! – улыбалась медсестра, подготавливая всё к процедуре. – Крови не боишься, юноша?

Я снисходительно улыбнулся, как это делали настоящие мужчины в кино, выдержал паузу и запел соловьём сестре с докторшей, что-то строчившей в моей карте. Пел о том, что я вообще ничего не боюсь, и как в известном стихотворении, если надо – уколюсь.

Под эти залихватские трели сестра воткнула в мою руку иглу, через которую по трубочке потекла кровь. Мне вдруг стало как-то нехорошо, трели смолкли. С каждой секундой становилось всё хуже и хуже, меня сильно мутило. Картинка перед глазами сначала ушла в расфокус, потом резко повернулась на бок и исчезла совсем.

Так вот он какой, этот нашатырь!..

Какая гадость!

Чувствовал я себя прескверно, большущим колоколом гудела голова. В ней навязчиво звучали далёкие незнакомые женские голоса, доносившие до меня информацию о богатыре, потерявшем сознание. В неравном бою, видать, хорошо досталось парню, вот он и свалился с коняки…

Голоса становились ближе, отчётливее и звучали уже совсем рядом:

– О, открыл глаза, богатырь!..

– Значит, будет жить.

Опять – богатырь!.. О ком они? И кто это вообще?!

Лёжа на кушетке за ширмой, я быстро приходил в себя. Вспомнил, где я, почему оказался здесь и кому принадлежат голоса.

– Белый, как мел. В лице – ни кровинки, – медсестра докладывала докторше последние сводки.

Мел, доска, школа… На большой перемене – завтрак в столовке, вкусные булочки по-домашнему, почти как у бабушки. А после уроков мы с Саней Тереховым пойдём на Марчеканскую сопку, на лыжах кататься. Обязательно возьмём с собой термос с горячим сладким чаем.

Я сел на кушетке и попросил воды. Посидел несколько минут, покрутил головой, прислушиваясь к своему самочувствию. Потом встал, потихонечку дошёл до гардероба, надел пальто, шапку и вышел из поликлиники на улицу.

Глубоко вдохнул морозного воздуха – хорошо! За стегнул пальто на все пуговицы, плотно завязал кроличью ушанку.

Не хочу болеть – завтра в школу!

Новогодние пляски

В необъятном СССР весь народ ещё только готовился встретить Новый, 1979 год. Сметалось с прилавков последнее шампанское, привычно тянулись очереди за только что «выброшенными» мандаринами, скупались неказистые детские игрушки. В маленьких кухоньках типовых домов советские женщины отстаивали «у мартена» последнюю смену в году. Уже потела селёдка «под шубой», в тазиках густо замешивался оливье, с балкона доставали подмёрзший холодец. Советские мужчины, сидя у телевизоров, поглядывали на часы и томились в ожидании.

А в Магадане, который находится почти на самом краю земли, уже никто ничего не ждал. Всё же хоть в чём-то у этого забытого Богом городка есть преимущество перед Москвой и всей остальной страной! Здесь начинается день, сюда раньше приходит и Новый год.

Куранты в телевизоре отыграли час назад, застолье набрало уверенный ход. Легкомысленный шипучий напиток уступил место на столах основательной беленькой. А под неё ведь всё хорошо – и «шуба», и оливье, и холодец с горчинкой.

Дети, успевшие свернуть голову угловатым и непрочным новым машинкам и куклам, переключились на более интересное занятие. Мандарины и шоколад поглощались в таком неимоверном количестве, что рецепторы отказывались определять, что есть что, а на утро была гарантирована аллергия в виде зудящих пятен по всему телу.

Вновь лилась водка в стопки и фужеры – магаданцы готовились встретить 79-й год вместе с соседями – Якутском и Владивостоком.

Мы с Поповым дожидаться Нового года по Иркутску и Красноярску не хотели. Весёлые, на редкость лояльные родители легко отпустили нас к Олегу домой – смотреть телевизор, слушать музыку.

Всё же какими славными иногда бывают наши старики. Поняли ведь – скучно нам с ними, неинтересно. Прониклись.

Случается же такое! Только вот жалко, что редко!..

Под высоченной ёлкой у театра Горького царило всеобщее веселье. Необыкновенно добрые взрослые от всей души угощали Деда Мороза и Снегурочку, выпивали вместе с ними, пели песни, смеялись. Задорно разливалась гармошка, аккомпанируя умелому исполнителю – мастеру танца. Шустрый мужичок небольшого роста выдавал народу «русского» и делал это на загляденье. Вот он развёл руки в стороны, пружинисто прошёл по кругу. Так же легко и быстро присел-встал, присел-встал. Опять пошёл по кругу, на сей раз вприсядочку. Спина прямая, руки – одна на другую – чуть раскачивая, держит перед собой. Вприсядку же вышел в центр импровизированного круга и стал лихо выбрасывать коленца. А в завершение танца мужичок сделал па – быстро менял свою точку опоры с ног на вытянутые руки и обратно. И так несколько раз. Здорово! Благодарная аудитория, не мешкая, поднесла исполнителю почти полный «двухсотгранёный» стакан истинно мужского напитка. Под одобрительный гул очарованной высоким искусством публики, танцор ловко, в три-четыре глотка, опрокинул в себя угощение. Правду люди говорят – талантливый человек талантлив во всём!

Посмотрели мы с Поповым это представление, переглянулись и захрустели по свежевыпавшему снежку восвояси.

– Водку будешь? – спросил меня Олег.

Вопрос был настолько неожиданным, что я переспросил, одновременно принимая решение:

– Водку?

– Ну да.

Водку я ещё никогда не пил, хотя врал одноклассникам, что это дело для меня чуть ли не обыденное. Дескать, взрослый совсем, чего уж там! Но попробовать, как ни крути, когда-то надо, да и праздник ведь!

Я постарался ответить как можно непринуждённее, словно мне предложили чаю:

– Буду.

Попов быстро сервировал стол в крохотной кухоньке-хрущобе. На клеёнке стояла початая бутылка «Русской», рядом – две стопки. На разделочной доске лежали наспех нарезанные хлеб и сыр.

– Ну что, – хозяин серьёзно смотрел на гостя. – Поехали?

Гость не растерялся:

– Поехали!

Мы поднесли стопки к губам.

– Эта… – неожиданно притормозил Олег.

Я тоже отвёл руку с водкой в сторону.

– Не, не так пьём!.. – замотал головой тостующий. – С Новым годом, вот!

– С Новым счастьем, – вторил тостуемый.

Аккуратно, боясь промахнуться, мы чокнулись и выпили.

Какая гадость! Какая же это гадость!.. Как её вообще пьют? Зачем?! Шампанское – понятно: вкусное, игристое, а это…

– Ну как? – поинтересовался жующий Попов. В глазах блестят слёзы, носик покраснел, а всё туда же: «Ну как?». Да также, как и тебе, деловая колбаса!

– Хорошо пошла! – я тоже хорохорился.

– Ещё будешь?

Зачем он это спросил?

– А ты?

– Да так… Пока что-то не хочу, – заюлил Олег.

– Я тоже… – На лице появилась наспех слепленная гримаса лёгкого пренебрежения. – Что-то…

«Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» по чёрно-белому ящику нас не вдохновляли. Да и куда было Карелу Готту, Джо Дассену и даже всему оркестру Поля Мориа до популярных тогда в нашем кругу «Дип Пёрпл», «Куин», «Юрай Хип»?

– Я знаю, что надо делать, – заявил Попов.

– Ты о чём? – не понял я, следуя за ним на кухню.

В пустые стопки он положил по ложке голубичного варенья, а сверху налил водки. Дал мне чайную ложечку:

– Мешай!

Помешали, выпили. Опять не понравилось, только варенье испортили!

Совсем было расстроился радушный хозяин, но как-то вдруг встрепенулся и дохнул на меня свежачком:

– А давай балдеть?

– Давай, – сразу согласился я, покосившись на бутылку. – А как это?

Ведомый идеей, Олег живо переместился в комнату. Я не отставал. Интригуя меня всё больше, Попов, не торопясь, готовил всё для того, чтобы забойно «балдеть». Для начала включил старенький торшерчик и погасил верхний свет. Затем обесточил телевизор и завёл свой бобинный магнитофон «Комета-347». Стоящие рядом колонки тихонечко зашипели.

Олег достал плёнку, установил её, запустил. Тумблер громкости вывернул резко вправо. По комнатке, именуемой «большой», поплыли хаммондовские разливы Джона Лорда.

– «Ин рок», «Спид кинг», – машинально отметил я про себя названия альбома и композиции.

Олег встал посреди комнаты и выставил вперёд ладошку, словно сдерживая меня: «Подожди! Сейчас всё начнётся».

А что «начнётся»? Я знаю. Десятки раз слушал этот альбом, или как мы тогда говорили – концерт. Сейчас вот, после лордовского органного вступления, шлёпнет Пэйс по сольнику, да и заиграют все сразу – и Гловер, и Блэкмор. Начнётся самый что ни на есть рок! Настоящий рок!

Знаю я всё. Чему там ещё начинаться?

Но вот действительно – началось!

Только начал Гиллан выводить первую строчку про малышку мисс Молли, как Олег сорвался с места и стал как-то конвульсивно дёргаться, при этом очень живо перемещаясь по комнатке.

Мне стало немного не по себе.

Попов замирал на месте, медленно наклонялся вперёд, потрясывая длинными жидкими волосиками, потом резко откидывался назад, отпрыгивал в сторону, и вновь его клонило вперёд. При этом глаза он сначала закатывал куда-то вверх, потом совсем их закрывал.

«Да это он так танцует!» – осенило меня, и на душе стало спокойнее.

Танцор активно двигал руками, скакал на одной ноге, на другой, прыгал на обеих сразу. Закончил он композицию более чем эффектно. На финальных аккордах он грохнулся на колени и, закрыв глаза, медленно опускал голову к полу. Когда всё стихло, Попов ткнулся лбом в серую ковровую дорожку, забывшую про пылесос.

Кода вышла прямо на загляденье!

– Ну как? – поднимаясь с пола и отряхивая колени на модных вельветовых джинсах, разгорячённый в танце товарищ вопросительно смотрел на меня.

– Классно! – почти не соврал я.

– Понравилось? – Попов был доволен собой.

– Ага!..

Тут же поступило предложение:

– Давай вместе балдеть?

Ну, балдеть так балдеть!

– Давай!

Олег перемотал бобину на начало и снова запустил её.

Теперь в центре комнаты мы выстроились вдвоём – напротив друг друга.

Потом ещё много раз звучала в ночи песенка короля скорости. Пару часов подряд он взывал к своей малышке, чтобы та, наконец-то, услышала его пение…

Наверное, соседи тоже отмечали праздник, потому что нас никто не отвлекал ни визгливыми жалобами, ни откровенными угрозами. Хоть раз в году наша громкая музыка никому не мешала.

Мы с Поповым отдавались Танцу. На ходу придумывали совершенно дикие па, а, исполнив их, получали такое же дикое удовольствие. Запрыгивали на кресло, покривлявшись там немного, перебирались на диван. В дело пошла акустическая гитара и микрофон-клюшка от магнитофона. Пробовали мы изобразить что-то похожее на то, что видели этой ночью возле ёлки у театра. Ничего не получалось, и мы, улыбаясь, успокаивали друг друга – там народное, а здесь-то – самый что ни на есть рок! И надо не так, как тот мужичок, а надо так вот, как мы!

Торшер отбрасывал на стену страшные тени.

Попробовали мы разок выдать номер под следующую песню альбома – «Бладсакер», но что-то не пошло, и мы вернулись к хорошо проверенной «Спид кинг».

И всё же счастье вскоре закончилось. Гиллан охрип, Пэйс с Гловером стали путать доли, Лорд и Блэкмор вместо ранее прилежно сыгранных импровизов несли откровенную ахинею, у Попова скрутило живот.

– Это водка, – поставил себе диагноз захворавший. И вымученно добавил:

– С вареньем.

Он прилёг на диван и, держась за живот, пару раз полюбовался моей сольной программой. Но одному мне балдеть было скучно. Моего напарника болячка не отпускала, а посему и закончили на этом.

«Дип Пёрпл» тихо выматерились и ушли спать.

Никогда в жизни больше у меня не было такой насыщенной дэнс-пати.

Да и не умею я танцевать вовсе!

Хотя в ночь на 1 января 79 года я так не считал.

В лагерях

Придумали же эти пионерские лагеря!

Может быть, изначально сама по себе идея и неплоха. Дети в компании ровесников весьма полезно проводят свободное от учителей и родителей время. Вдали от города, на свежем воздухе ребята много и активно двигаются: бегают, прыгают, играют в футбол, волейбол. Каждый день они купаются, загорают. Дети развиваются не только физически, но и творчески: песни поют, танцуют, рисуют, пишут стихи.

Родителям с учителями недолгая разлука с подрастающим поколением тоже на пользу. И они, случается, поют, а потом встают из-за стола и тоже пускаются в пляс. В общем, отдыхают родители от своих деток, педагоги набираются сил перед новым учебным годом.

Всё это здорово, конечно, но такой идиллии не бывает даже в сказках.

Чтобы дети особо не увлекались свободой, их сразу организовывали, и день пионера был наполнен самыми разнообразными мероприятиями. Все они являлись идеологически направленными. А как без неё, без партийной идеологии?! Да никак! Вот и шагали по территориям летних лагерей в СССР нестройные ряды красногалстучных отрядов. Целыми днями вышагивали. То на утреннюю линейку, то на вечернюю. Шагали в столовую, из столовой, потом ещё куда-нибудь.

В каждой смене обязательно проводился праздник песни и строя. Вот и готовились к нему все отряды, тренируясь по нескольку раз на день. Готовились основательно, поэтому вновь подолгу маршировали и совершенно нестройно – каждый в своей тональности – выкрикивали слова:

Нам, парашютистам,
Привольно в небе чистом.
Легки ребята на подъём,
Совет задирам мы даём:
Шутить не следует с огнём!

Пением это назвать было трудно.

В помощь марширующим – чтобы лучше держали такт – пионервожатые призывали на помощь барабан и горн. Совершенно счастливые, но абсолютно никакие музыканты, пытаясь оправдать высокое доверие, сразу пытались что-то изобразить, и этой аритмичной какофонией ещё больше сбивали с толку шагающих. Но это было уже не так важно. Главное, все атрибуты пионерского отряда: горн, барабан, флаг, алые галстуки и сами пионеры к ним – имеются в наличии. А что ещё начальнику лагеря нужно? К примеру, нагрянут с очередной проверкой – будьте любезны, и здесь у нас полный порядок! Глядишь, отметят на собрании, грамоту вручат, на Доску почёта повесят. Вот они – простые земные радости!..

Никакой радости у меня не было и в помине, когда я первый раз в своей девятилетней жизни уезжал из дома на месяц насыщенного, организованного, коллективного отдыха. Лагерь под Новосибирском носил соответствующее такому времяпровождению название – «Дружба». Такое откровение немного настораживало и дурные предчувствия меня не обманули. Ничего хорошего в изолированном от мира отдыхе я не нашёл. Ни сразу, ни тем более чуть погодя. Не нравилось мне в лагере решительно всё. Ни ранний подъём, ни показушная зарядка, ни еда в столовке, ни песни, которые неслись изо всех лагерных репродукторов:

Эх, хорошо в стране советской жить!..

Пожалуй, именно там, в «Дружбе», первый раз в жизни в мою головёнку закралась крамольная мыслишка: «Если так хорошо у нас жить, то почему тогда – эх?!».

В отряде у меня со всеми были ровные прохладные отношения. Так, поверхностное общение, не более. Я не был интересен пацанам, впрочем, ровно так же, как и они мне. Только в Лёньке Рогачёве я нашёл близкого по духу человека. Мы взахлёб делились впечатлениями о прочитанном в книжках и увиденном в кино. «Республика ШКИД» и «Три мушкетёра», Виннету – вождь апачей и неуловимые мстители… Вот темы наших разговоров и импровизированных сценок по ролям. Мы говорили о других планетах, о дальних странах, где мы обязательно побываем…

Через несколько дней я понял, что компании одного Лёньки мне уже не хватает.

В футбол тогда гоняли мало, мяч выдавался вожатыми на определённое время. Может, оттого и удовольствия от игры было немного. Зато маршировали мы предостаточно, но разве это может приносить радость?

Короче, я захандрил. И серьёзно.

А вскоре был первый родительский день. Свою линию поведения с приезжающими я вычертил в голове чётко и к встрече родственников был готов.

Бабушка с дедом приехали проведать внучка в приподнятом настроении. Уезжали они расстроенными и чуть потерянными. Их любимый внук ни к чему «вкусненькому, домашненькому» так и не притронулся, а лишь только смотрел всё куда-то грустно в сторону и молчал. Помолчит-помолчит, посмотрит на родню свою задумчиво, вздохнёт глубоко и опять в сторону взгляд отводит.

Актёр! Да что там, ак-тё-ри-ще!.. Какой талант пропал!

Апофеоз встречи, сцена прощания. Уходят дед с бабулей по дорожке от лагерных ворот, а любимый внучок, обхватив своими детскими ручонками прутья забора, провожает их с тоскою вселенской во взоре и… Молчит!

Сработало безотказно! Не выдержали сердца сентиментальных стариков. Через два дня, в пасмурный вторник примчался в «Дружбу» дед Пётр и забрал меня оттуда.

Через два года мои родители зачем-то решили повторить эксперимент.

Путёвку по блату доставал мне родной дядька, работавший не где-то там, а в самом обкоме партии! И не важно, что был он обыкновенный водила, путёвочка-то не куда попало, а в «Зелёную республику»! Этот лагерь, по неизвестным мне до сих пор причинам, тогда котировался очень высоко в Новосибирске.

Только вот заминка – на меня её оформить никак не получалось. Оказывается, на племянников обкомовская благодать не распространялась. Тут родня проявила смекалку, и дядя Гена скоренько выправил документы на своего сына, моего двоюродного брата Женьку.

В один из прекрасных июньских дней 75-го, меня, вдруг помолодевшего на два года, неизвестно чему радующиеся родственники посадили в автобус и заботливо подали чемоданчик с вещами. «ЛАЗ» занял свой номер и колонна под охраной ГАИ солидно потянулась в ту самую хвалёную «Республику». В кармане моей рубашки, для надёжности застёгнутом булавкой, лежали метрики брата.

Здесь мне категорически не понравилось!

В отряде одни малявки, не с кем даже поговорить на серьёзные темы. Опять эти линейки, маршировки, разучивание отрядных песни и речёвки, ненавистная перловка, старое неинтересное кино, да и то – не каждый вечер.

И, конечно, – конспирация. Я очень старался стать на этот месяц Евгением Крюковым, но…

– Женя! – зовёт меня зачем-то пионервожатая. – Женя!.. Крюков!

Я и в ус не дую.

Кто-нибудь из окружающих участливо – вдруг у парня со слухом беда? – трогает за рукав:

– Тебя зовут.

– Меня?

– Ну да. Ведь ты – Женя.

– Я?!

Секунда недоумения, другая, и – быстро беру себя в руки:

– Ах, да!.. Я – Женя. Да, Женя – это я!

Иду к вожатой и вполголоса медитирую:

– Точно, Женя! Я – Женя!..

Динамики разносили по всей «Республике» бодрую песню:

До чего же хорошо кругом!..

Крутил я своей белобрысой головой, крутил… Туда посмотрел, сюда глянул, но ничего хорошего так и не увидел.

Всё, понял я, хочу домой!

Письмо было написано на одном дыхании. Смысл послания заключался в том, что у меня вдруг нестерпимо заболело горло, и лагерная докторша, внимательно исследовав его, сделала заключение – необходимо срочно удалять гланды. Поэтому меня надо забирать и незамедлительно ехать в Новосибирск. Информация подавалась так искренне, будто я на самом деле побывал на приёме у специалиста, и жизнь моя теперь находится под серьёзной угрозой. Промедление – смерти подобно!

Дня через три приехал перепуганный дед. Врачихи, очень кстати, не оказалось на месте, она уехала в город за медикаментами. Вот везуха! Я совсем осмелел и, почти не краснея, выдал заученную назубок легенду начальнику лагеря. Тот смотреть моё горло не стал, а лишь развёл руками – ну надо, так надо!

Счастливый, я шагал рядом с дедом, который нёс мой чемоданчик с приклеенной бумажкой «Женя Крюков. 8-й отряд». Шёл, и, радуясь жизни, думал – больше никогда, никогда в жизни я не поеду в пионерлагерь! И от этой мысли становился ещё счастливее.

Наивняк!

Ещё через два года родители затеяли ремонт в нашей крохотной комнатке в коммуналке. Под этим немудрёным предлогом сослали меня в третий раз «всего-то на один сезон».

В пионерлагере имени Зои Космодемьянской, что находился в 72-х километрах от Магадана, вроде бы всё ничего поначалу складывалось. Даже надзирательные вышки, торчащие неподалёку, настроения не портили. Мы знали, где живём, и о том, что творилось на Колыме совсем недавно, тоже были осведомлены. Двадцать лет назад здесь тоже находился лагерь, только исправительно-трудовой.

Мужики в нашем 3-м отряде подобрались неплохие, а девчонки так и совсем ничего себе. В столовку ходили не строем, а как хотели, и кормили там тоже более или менее сносно. Мы до устали гоняли мяч на плешивом кочковатом футбольном поле, и потом вволю, одну за другой, дымили в дальней беседке болгарскими сигаретами «Опал».

Курево покупалось в магазинчике посёлка Стекольный, который был неподалёку от лагеря. В один из таких походов нам с Сашкой Нерознаком выпала возможность позвонить в Магадан, родных проведать. Набрал я номер 2-61-67, пообщался с мамой минут пять на все темы сразу, вышел на улицу и вдруг загрустил. Так мне захотелось домой, что вот прямо невмоготу! В лагере неплохо, спору нет, но дома-то, дома, а?!

Какое это наслаждение – засыпать в своей постели и не беспокоиться, что ночью сердобольные товарищи измажут тебя зубной пастой или прокатят на «велосипеде», вставив между пальцев ног клочки бумаги, а потом подожгут её. Несчастный во сне пытается избавиться от огня, дёргает ногами, словно педали крутит. А вокруг всем очень весело!

Утром хорошо просыпаться, когда выспишься, а не из-за громко орущей, бесцеремонно врывающейся в сон ненавистной песни «Взвейтесь кострами, синие ночи!..». Опять же, есть дома можно тогда, когда этого хочешь ты, а не кто-то. И курить, кстати, тоже! Да и вообще – там так классно…

В лагерь я вернулся в дурном настроении и с твёрдым решением – домой!

Когда третий отряд ужинал в столовке, красненький «Запорожец» уже вёз меня по Колымской трассе в сторону города. Весёлые попутчики, супруги лет сорока, заговорщицки подмигивая, интересовались:

– Наверное, из лагеря сбежал?

– Не, мы – с агрофермы, – врал я, неуклюже выдавая себя за местного жителя.

– А что ж рубашка-то белая, агроферма? – не унимались весельчаки.

– Так у бабушки день рождения был! – освоился я.

– А-а, ну тогда понятно! – якобы поверили мне собеседники.

«Запорожец» повернул в аэропорт, и девять километров от Сокола до Уптара я преодолел, словно на крыльях. Бежалось легко и радостно – домой! За Уптаром меня подобрал старый «ЗиЛ», который, несмотря на возраст, весьма бодро добежал до города. Часы на башне показывали двенадцатый час, но было светло. В Магадане стояли белые ночи, и улицы, слегка покрытые туманом, выглядели непривычно пустынно, смиренно и тихо.

На удивление, когда я предстал перед родителями, их лица совсем не излучали радости. Из испуганно-заботливых – не случилось ли чего?! – они быстро трансформировались в сурово-назидательные – вот оно в чём дело!

Позже приехали какие-то люди, столпились на нашей коммунальной кухне, охали-ахали, цокали языками и долго журили меня. Особенно старалась плотная возрастная мадам в длинном кожаном плаще. По фактуре, причёске, по её манере говорить было понятно – большая шишка. Я стоял перед всеми, понурив голову, иногда пытаясь что-то объяснить. Но так ничего и не объяснил. Да и что я мог сказать?

Рано утром отчим отвёз меня обратно на 72-й километр, где я снова выслушивал и от начальника лагеря, и от воспитателя с пионервожатыми…

Это ничего, зато морально мне стало гораздо легче. Я побывал дома, вместе с магаданским туманом глотнул воздуха свободы. Теперь можно спокойно прожить месяц в неволе. А там, конец смены, и – домой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.